

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

Научная статья

УДК 343.26

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).3.397-408

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Кирилл Николаевич Карпов¹

¹ Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, kkn83@mail.ru

Аннотация. В статье освещена проблема конституционно-правового понимания сущности и содержания наказания в виде ограничения свободы. В связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации постановления, касающегося наказания в виде ограничения свободы, актуализировалась проблема определения его содержания, обусловленная недостаточной законодательной конкретизацией перечня правоограничений, составляющих его сущность. В частности, запрет приближаться к определенным лицам (контактировать с ними) выступает логически необходимым в ситуациях совершения насильственных преступлений. Однако в связи с отсутствием прямого указания на данную формулировку в уголовном законодательстве статус такого запрета остается неопределенным, а суды не имеют возможности использовать его при назначении наказания. В целях устранения указанного противоречия предлагается расширить полномочия судов при назначении тех или иных правоограничений осужденному, позволяющих контролировать его поведение.

Ключевые слова: ограничение свободы, наказание, условное осуждение, социальный контроль, меры безопасности

Для цитирования

Карпов К. Н. Конституционно-правовое понимание сущности и содержания наказания в виде ограничения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 3. С. 397–408. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).3.397-408.

LEGAL STATUS OF CONVICTS

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE ESSENCE AND CONTENT OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM

Kirill Nikolaevich Karpov¹

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Omsk, Russia, kkn83@mail.ru

Abstract. The article highlights the problem of constitutional and legal understanding of the essence and content of punishment in the form of restriction of freedom. In connection with the adoption by the Constitutional Court of the Russian Federation of a resolution concerning punishment in the form of restriction of freedom, the problem of determining its content has become more urgent, due to insufficient legislative specification of the list of legal restrictions that constitute its essence. In particular, the prohibition of approaching certain persons (contacting them) is logically necessary in situations of violent crimes. However, due to the absence of a direct reference to this wording in the criminal legislation, the status of such a ban remains uncertain, and the courts do not have the opportunity to use it when imposing punishment. In order to eliminate this contradiction, it is proposed to expand the powers of the courts in assigning certain legal restrictions to a convicted person, allowing him to control his behavior.

Keywords: restriction of freedom, punishment, suspended sentence, social control, security measures

For citation

Karpov, K. N. 2025, 'Constitutional and legal understanding of the essence and content of punishment in the form of restriction of freedom', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 3, pp. 397–408, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).3.397-408.

Конституционным Судом Российской Федерации (КС РФ) в рамках определения конституционности норм ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) был рассмотрен вопрос законности и допустимости установления осужденному к наказанию в виде ограничения свободы в период отбывания наказания запрета приближаться к потерпевшей¹. Ранее потерпевшая по данному делу неоднократно оспаривала приговор суда (по ст. 119 УК РФ – угроза убийством) в части справедливости назначенного наказания и просила установить осужденному запрет посещать место ее жительства и работы, а именно находиться на расстоянии ближе 300 метров от этих мест. Однако ее требования были отклонены в том числе Верховным Судом РФ (ВС РФ).

Проблемность данного вопроса связана с тем, что правовая регламентация наказания в виде ограничения свободы, с одной стороны, допускает возможность самостоятельного опре-

¹ См.: По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. А. Балуковой и Ю. М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 31 января 2024 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

деления судом непосредственного содержания тех или иных ограничений (запретов и обязательств), с другой – ограничивает усмотрение запретами, указанными в перечне ст. 53 УК РФ. Одним из них выступает запрет посещения определенных мест, например, мест общественно-общественного питания, в которых разрешено потребление алкогольной продукции, детских учреждений¹.

При этом позиция ВС РФ, неоднократно определенная им в своих решениях, состоит в недопустимости назначения лицу, виновному в совершении преступления, такого правоограничения, которое не содержится в норме УК РФ либо в размерах, не соответствующих предписаниям, регламентирующим данный вид наказания. Речь идет, например, о случаях неточного определения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [1]. Применительно к наказанию в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград ВС РФ устанавливает, что «перечень правоограничений, указанных в статье 48 УК РФ, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит» (п. 13 постановление Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58).

В случае назначения иного вида наказания, даже более строгого, нежели ограничение свободы (например, принудительные работы), суд не имеет возможности юридически ограничить осужденного в праве приближаться к определенным лицам либо общаться с ними (потерпевшие, свидетели и т. д.). Таким образом, в данном случае строгость наказания, на наш взгляд, не является исходной посылкой ходатайства об изменении судебного решения. Однако иные аспекты, кроме справедливости, определяемой в контексте строгости (мягкости), не являются ни критериями законности принимаемого судебного решения, ни основаниями его оспаривания. Об этом свидетельствует и позиция судов общей юрисдикции, неоднократно подтвержденная в решениях ВС РФ по данному делу.

Так, в соответствии со ст. 60 УК РФ суд при назначении наказания может назначить более строгое наказание (например, лишение свободы) в случае, если менее строгое наказание не позволяет достичь целей, указанных в ст. 46 УК РФ (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений). В каждом конкретном случае при наличии реальной угрозы насильственного воздействия на потерпевшего суд имеет возможность назначить наказание, содержащееся в санкции статьи УК РФ. К сожалению, далеко не во всех случаях суды могут избрать такую меру, которая позволила бы физически обезопасить потерпевшего, свидетелей, участников уголовного судопроизводства и т. д.

КС РФ, принимая обозначенное решение, указал, что «при определении содержания возможных обременений и правоограничений лица, совершившего преступления... необходимо учитывать смысл конституционного предписания об охране законом прав потерпевших от преступлений (ст. 52 Конституции РФ)»². Кроме того, по мнению КС РФ, сама природа наказания допускает возможность учесть в его содержании потребности минимизации рисков потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства, указывая при этом необходимость

¹ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. А. Балуковой и Ю. М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 31 января 2024 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

реализации в нормативном регулировании на возможность выбора вида и конкретного содержания наказания в рамках избранного вида с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев. Основанием выбора соответствующего правоограничения является то, что нахождение осужденного на свободе и отсутствие запрета появляться в местах, в которых может регулярно находиться потерпевший, может усиливать моральные страдания последнего, связанные с совершенным в отношении его преступлением, создавать у него объективно обоснованные опасения за свою безопасность, воспринимаемые им вследствие пережитого опыта как реальные. Констатируя соответствие норм ст. 53 УК РФ положениям Конституции РФ, КС РФ отметил, что у судов имеется право установления подобного запрета (особенно в случаях, если об этом ходатайствует потерпевший). Однако необходимо отметить, что до тех пор, пока указанная формулировка не будет прямо прописана в тексте ст. 53 УК РФ, применение ее судами будет сопряжено с потенциальной оспоримостью с точки зрения принципа законности, предполагающего буквальное, а не расширительное толкование уголовного законодательства в части определения содержания наказания.

Необходимо обратить внимание на то, что, оспаривая приговор, потерпевшая указывала на несогласие с ним в части назначенного наказания, полагая его чрезмерно мягким, не отвечающим тяжести содеянного, не способствующим восстановлению социальной справедливости и не позволяющим предотвратить совершение осужденным новых актов насилия в отношении ее. Так, если мягкость (строгость), несоответствие наказания тяжести совершенного преступления и необходимость восстановления социальной справедливости выступают в роли критериев справедливости и законности назначенного наказания, то предотвращение совершения осужденным новых преступлений не является ни целью наказания, ни критерием, определяющим его законность. Необходимо отметить, что термин «предупреждение преступления», выступающий в роли цели наказания, не является тождественным понятию «предотвращение преступлений».

Наказание в виде ограничения свободы рассматривается рядом ученых как средство воздействия на осужденного, ограничивающее именно свободу передвижения лица в пространстве. Однако если концепция данного вида наказания (до редакции 27 декабря 2009 г.) могла предполагать такой подход (помещение в специальное учреждение без изоляции от общества с осуществлением за ним надзора), то после внесения соответствующих изменений в ст. 53 УК РФ¹ такой вывод не вполне очевиден. Так, в тексте пояснительной записки к данному Закону разъясняется, что «по характеру налагаемых судом ограничений и с учетом сроков их назначения наказание, предполагаемое данным законопроектом, является довольно серьезным, поскольку ограничивает права и свободы человека на его перемещение, посещение определенных мест, использование определенных форм досуга, выбор места работы, учебы»². Таким образом, наказание

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон Рос. Федерации от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/321851-4> (дата обращения: 01.08.2025).

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

в виде ограничения свободы может состоять в установлении ограничений различных прав виновного, в том числе права на выбор вида деятельности (если они сопряжены с потенциальной опасностью для окружающих) либо контактирование (общение) с определенными лицами, а также других прав.

В большинстве случаев запрет на пребывание в определенных местах трактуется как ограничение права пребывания в местах массового скопления людей, проведения массовых мероприятий, местах розничной продажи алкогольной продукции и т. д. Традиционное понимание данного ограничения базируется на восприятии лиц, совершивших преступление, как склонных к проявлению агрессии, злоупотребляющих алкоголем и совершающих насильственные преступления. Однако такой подход представляется недостаточно индивидуализированным. Далеко не все лица, которым может быть назначено данное наказание, обладают указанными характеристиками, а следовательно, устанавливаемые им ограничения требуют индивидуального учета личности виновного, особенностей совершенного преступления и других факторов [2, 3]. Например, если речь идет о лицах, совершивших преступление по неосторожности или преступления в сфере компьютерной информации, экстремистские преступления.

Доктрина уголовного права разделяет меры государственного принуждения в сфере уголовного права по механизму их воздействия на карательные (репрессивные), меры безопасности, меры стимулирования (поощрения) и т. д. [4]. В то же время представляется, что иногда в одной мере могут сочетаться различные способы воздействия. Например, назначая наказание в виде ограничения свободы, суд может руководствоваться вопросами предотвращения совершения новых преступлений путем запрета виновному контактировать с потерпевшими от преступления, свидетелями, соучастниками либо иными лицами. Несмотря на то что наказание в виде ограничения свободы в существующем на сегодняшний день содержании закона неоднократно выступало в качестве предмета научной дискуссии [6–8] и подвергалось критике, оно все же смогло занять свою нишу в карательной практике и достаточно широко применяется судами. Так, за 2023 г. данное наказание применялось к 23 789 осужденным, при этом в 37 % случаев (8700 чел.) – за совершение насильственных преступлений против жизни и здоровья (ст. 111–119 УК РФ)¹.

При проведении анализа правоприменительной практики назначения наказания в виде ограничения свободы (200 приговоров) нами не было выявлено ни одного случая установления судами такого ограничения, как запрет пребывания в местах проживания либо работы потерпевшего. Как правило, данное ограничение применялось в случае назначения дополнительного наказания лицам, совершившим преступления против половой свободы, и заключалось в обобщенном запрете пребывания в дошкольных, школьных образовательных организациях. При назначении наказания в виде ограничения свободы суды не используют формулировки ограничений, отличные от тех, которые прямо указаны в ст. 53 УК РФ. В противном случае их решение может быть истолковано как расширительное, то есть предполагающее ограничение (лишение прав), которое не закреплено в УК РФ, что является прямым нарушением принципа законности.

Схожесть правоограничений, назначаемых в рамках таких средств уголовно-правового воздействия, как ограничение свободы (наказание), условное осуждение

¹ См.: Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению за 12 месяцев 2023 г. (форма № 10.3) // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 01.08.2025).

[9–10] и условно-досрочное освобождение, неоднократно отмечалась в исследованиях по данной тематике [11–13], в рамках которых авторы рассматривают различные аргументы относительно схожести механизма их уголовно-правового воздействия. При этом А. Г. Антонов небезосновательно указывает на схожесть данных ограничений не только с условным осуждением, но и с «не уголовно-правовыми» ограничениями, устанавливаемыми в рамках административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Он приходит к выводу о том, что «карательное содержание наказания в виде ограничения свободы не несет в себе существенного репрессивного начала» [14, с. 9]. Однако контролирующее (некарательное) содержание данного вида наказания, на наш взгляд, может (и должно) быть расширено и использоваться в судебной практике.

В частности, ч. 5 ст. 73 УК РФ предусматривает возможность назначения осужденному в период испытательного срока ограничений и обязательств, аналогичных содержащимся в ст. 53 УК РФ (явка в орган, контролирующей поведение осужденного, запрет пребывания в определенных местах, обязательство трудоустроиться и т. д.). При этом их принципиальным отличием является открытость перечня правоограничений условного осуждения. Так, в ст. 73 УК РФ предусмотрена возможность назначения и иных ограничений (не содержащихся в тексте уголовного закона), если они будут способствовать исправлению осужденного, в то время как ст. 53 УК РФ такой возможности не содержит.

Аналогичный анализ приговоров, в рамках которых назначалось условное осуждение, показал, что даже при наличии возможности самостоятельного индивидуального определения судом правоограничений осужденному в подавляющем большинстве случаев (98 %) они не выходят за рамки формулировок, прямо обозначенных в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Лишь в 4 из 200 проанализированных приговоров были назначены индивидуально подобранные обязательства (например, пройти курс лечения от игровой зависимости, пройти психодиагностическое обследование и курс психокоррекционных программ по профилактике совершения новых преступлений). При этом ни в одном из приговоров не назначались запреты на общение с кем-либо, а также запреты на посещение какого-либо места, не отнесенного к категории мест проведения массовых мероприятий либо заведений общественного питания, в которых осуществляется розничная продажа алкоголя.

Рассматриваемое решение КС РФ, по сути, является очередным индикатором, демонстрирующим тот факт, что само по себе наказание как мера государственного принуждения в большинстве случаев не приспособлена для прямого предотвращения совершения осужденным новых преступлений. Механизм уголовно-правового воздействия наказания носит в большей мере демонстративно-карательный характер, имеющий общий превентивный эффект. Исключение может составлять разве что наказание в виде лишения свободы (тоже лишь частично устраняющее возможность совершать новые преступления). Большинство видов наказаний, содержащихся в УК РФ, не препятствуют совершению лицом нового преступления. Так, штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы напрямую не препятствуют совершению осужденным новых преступлений и не предъявляют дополнительных требований к поведению осужденного. Механизм общей и частной превенции является более сложным, состоящим из элементов угрозы, исправления, перевоспитания и неоднократно выступал предметом научного исследования [15–16]. Однако именно такой пресекающий эффект от назначения и исполнения наказания в массовом сознании является преобладающим. Представляется, что это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, рассматриваемые средства уголовно-правового воздействия не предназна-

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

чены для того, чтобы физически лишить осужденного возможности вновь совершить преступление. Во-вторых, органы принудительного исполнения достаточно ограничены в средствах контроля за исполнением устанавливаемых ограничений, а следовательно, последние могут оказаться бессмысленным. Например, нарушение запрета посещения определенных мест может быть зафиксировано (проконтролировано) уполномоченными органами в случае обнаружения лица в указанном месте. При этом специально находиться и ожидать в данном месте у сотрудника, осуществляющего контроль, нет возможности. Исключения могут составлять только случаи установления электронного контроля. В-третьих, данные меры уголовно-правового воздействия выступают либо в роли способа проверки исправления лица (институт испытания), либо средства индивидуализации наказания в случаях, не требующих изоляции осужденного.

Предложенное КС РФ толкование рассматриваемого ограничения указывает на наличие недостаточной конкретизации норм уголовного законодательства и существование наказания, содержание которого устанавливается не столько в предписаниях закона, сколько в процессе назначения наказания. Таким образом, в рассматриваемых случаях речь идет не о строгости назначенного наказания, а о необходимости выработки инструментов индивидуализации мер безопасности, их интеграции и использования во взаимосвязи с наказанием.

Данный подход свидетельствует о попытке использовать наказание в виде ограничения свободы в качестве аналога «охранного ордера» [17–18], широко применяющегося в практике зарубежных стран. На сегодняшний день законопроект о применении данной меры правового ограничения находится на рассмотрении в Государственной Думе РФ и предполагает возможность установления судебного запрета нарушителю приближаться и контактировать с гражданином¹. Однако данное ограничение предлагается включить в Гражданский кодекс РФ, а не в уголовное законодательство, что было бы более логичным.

КС РФ указал на частичное сходство рассматриваемого ограничения по содержанию и возможным способам контроля с такой мерой уголовно-процессуального пресечения, как запрет определенных действий, предполагающий возможность возложения на подозреваемого или обвиняемого запрета общаться с определенными лицами, предусмотренного п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Таким образом, схожесть указанных (гражданско-правовых, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) инструментов правового воздействия позволяет констатировать объективно обоснованную тенденцию к установлению контроля за поведением лиц, представляющих опасность для окружающих, путем установления для них юридического запрета общаться, контактировать с определенными лицами либо приближаться к ним.

Потребность в достижении целей наказания и решении задач уголовно-правового воздействия предполагает возможность использования не только ограничения посещения определенных мест, но и в более расширенной версии – ограничений в общении с конкретными лицами как средства предупреждения совершения новых преступлений.

Исходя из толкования действующей нормы ст. 53 УК РФ запрет приближаться, контактировать и (или) общаться с потерпевшими либо иными лицами не может быть установ-

¹ См.: О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (об установлении запрета на совершение определенных действий) : законопроект № 452947-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/452947-8> (дата обращения: 01.08.2025).

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

лен осужденному, приговоренному к данному виду наказания. В то же время ограничение путем указания на участки местности либо на объекты, в которых осужденный не должен находиться (в связи с присутствием там определенных лиц), безусловно, позволит снизить вероятность контактирования участников конфликта и формально не противоречит предписаниям ст. 53 УК РФ. Однако такой подход представляется, скорее, временным и не в полной мере отвечающим духу уголовно-правового регулирования. В частности, преследование потерпевших или свидетелей по уголовному делу может происходить не только в определенном фиксированном в приговоре месте (жительства, работы и т. д.), но и в иных местах (транспорт, общественные места и т. д.), которые не могут быть исчерпывающе перечислены в приговоре. Кроме того, развитие средств коммуникации позволяет не только общаться, но и преследовать лицо в виртуальном пространстве, что формально не будет нарушать установленного запрета, однако повлечет снижение эффективности предупреждения преступлений. В частности, такое явление, как сталкинг [19–21] представляет собой актуальную междисциплинарную проблему¹ с точки зрения превенции и криминализации и имеет все основания для реагирования, особенно в случае преследования со стороны лиц, уже осужденных за совершение преступления.

Отсутствие необходимых уголовно-правовых средств реагирования приводит к возникновению спорных с юридической точки зрения решений. Например, в рамках рассмотрения гражданского иска о запрете приближаться на любое расстояние, прекращении преследования Приволжский районный суд г. Казани постановил «возложить на ответчика обязанность прекратить любого рода преследование истца, в том числе телефонные звонки, СМС-сообщения, сообщения с использованием сети Интернет, почтовой перепиской, любого рода подарки и иное преследование»². При этом судом было принято данное решение несмотря на собственное указание об отсутствии в рамках ст. 12 ГК РФ такого способа защиты гражданских прав.

Особенность рассматриваемого решения КС РФ состоит в том, что суд не просто признал норму ст. 53 УК РФ не противоречащей Основному Закону, он фактически констатировал принципиальную возможность установления ограничений такого рода в дальнейшем. С учетом того, что данное правоограничение необходимо для минимизации контакта осужденных с лицами, потерпевшими от преступления, снижения вероятности повторения конфликта, а также обеспечения защиты данных лиц от преследования и от возникновения дополнительных моральных страданий в результате контакта с виновным, необходимо вести речь именно о запрете контактирования виновного с иными лицами. Таким образом, представляет интерес с точки зрения превенции использование в диспозиции ст. 53 УК РФ следующей формулировки ограничения: «Не приближаться и не общаться с определенными лицами (потерпевшим от преступления, членами его семьи, свидетелями по уголовному делу и т. д.) как лично, так и с помощью любых видов (средств) связи».

По сути, обозначенное решение КС РФ в очередной раз указывает на наличие реальной проблемы ограниченности средств уголовно-правового воздействия и необходимости разработки более гибкой системы, сочетающей в себе как карательные средства

¹ См.: В Госдуме предложили ввести в КоАП наказание за назойливое преследование граждан. URL: <https://rg.ru/2024/04/04/predlagaetsia-vvesti-v-koap-nakazanie-za-nazojlivoie-presledovanie.html> (дата обращения: 01.08.2025).

² Решения Приволжского районного суда г. Казани от 4 августа 2017 г. № 2-4575/2017, 2-4575/2017~М-4107/2017, М-4107/2017 по делу № 2-4575/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RurIxcnHGMVp> (дата обращения: 01.08.2025).

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

наказания, так и иные меры уголовно-правового воздействия (меры безопасности, стимулирования и т. д.). И без того достаточно формальная грань между наказанием и иными мерами уголовно-правового принуждения постепенно стирается. Воздаяние (восстановление социальной справедливости), заложенное в наказании, отчасти интегрируется либо трансформируется в средства фактического сдерживания преступника, обладающие несколько иным механизмом воздействия. Нельзя сказать, что данная тенденция неправильная, поскольку она представляет собой результат поиска адекватных мер реагирования и выражает объективную потребность в обеспечении безопасности общества и. На наш взгляд, следует рассматривать вопрос расширения сферы применения дополнительных уголовно-правовых ограничений (обязательств), позволяющих устранить или снизить опасность повторения преступного поведения путем дополнительного контроля за поведением осужденных, сочетающегося с установлением определенных требований к его поведению. Фактически на это указывает и КС РФ, подчеркивая, что «федеральный законодатель не лишен возможности конкретизировать или дополнить содержание ограничения свободы с учетом задачи обеспечения и превентивной защиты прав потерпевших в части минимизации объективно обоснованных рисков продолжения (повторения) противоправных или фактически психотравмирующих действий со стороны осужденного»¹. Реализация данного разъяснения может быть осуществлена при сочетании двух подходов. Первый предусматривает расширение ограничений, содержащихся в наказании в виде ограничения свободы (как минимум, в приведенном варианте). Другой способ должен состоять в закреплении в УК РФ такой самостоятельной меры безопасности, как «контроль за поведением осужденного», которая будет позволять суду (в случае необходимости) устанавливать дополнительные требования (ограничения, обязательства) к поведению осужденного в период испытательного для условно осужденных, условно-досрочно освобожденных от наказания, а также лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы.

Введение данного средства уголовно-правового воздействия, во-первых, позволит унифицировать в себе инструменты условного осуждения, условно-досрочного освобождения, отсрочки отбытия наказания и повысить их эффективность. Во-вторых, исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, будет дополнено возможностью использования такой меры социального контроля, которая позволит влиять на поведение осужденного в период отбытия наказания, не прибегая к его изоляции.

Список источников

1. Степашин В. М. Назначение наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2011. № 2(27). С. 168–172.
2. Игнатов А. Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 93–98.
3. Карпов А. А., Рябых С. Б., Щербаков А. В. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего побег из-под надзора // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 3. С. 6–10.

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. А. Балуковой и Ю. М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 31 января 2024 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

4. Щедрин Н. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 59–63.
5. Тепляшин П. В. Новый закон об уголовном наказании в виде ограничения свободы // Законность. 2011. № 3(917). С. 38–40.
6. Кожевникова Д. П. Ограничение прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы, как элемент их правового статуса // Конституционализм и государственное управление. 2024. № 1(33). С. 51–55.
7. Мирошниченко Д. Г. Ограничение свободы: некоторые пути повышения эффективности механизма исполнения // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 1(70). С. 311–322.
8. Медведев А. А. К вопросу о необходимости дополнительного нормативного регулирования исполнения наказания в виде ограничения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 3(262). С. 32–36.
9. Дядькин Д. С. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. 2010. № 3. С. 34–37.
10. Разогреева А. М., Миньков М. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация // Уголовное право. 2010. № 4. С. 47–51.
11. Костенко А. И. Вопросы отделимости ограничения свободы как вида уголовного наказания от условного осуждения // Научное образование. 2021. № 1(10). С. 142–143.
12. Усов К. В. Соотношение ограничения свободы с условным осуждением // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. ст. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2020. Вып. 4. С. 67–71.
13. Кайшев А. В., Степашин В. М. Универсальность условного осуждения // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2021. Т. 18, № 2. С. 88–98.
14. Антонов А. Г. К вопросу о репрессивности наказания в виде ограничения свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 3(17). С. 7–12.
15. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве : политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. 192 с.
16. Бавсун М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 99–102.
17. Тунина Н. А. Охранный ордер как способ превенции семейного насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С. 78–82.
18. Гилинский И. Я. Институт семьи в системе «девиантность – социальный контроль» // Криминология: вчера сегодня, завтра. 2002. № 1(2). С. 34–41.
19. Зебницкая А. К. Сталкинг (преследование): перспективы регулирования в правовом поле Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 3. С. 50–54.
20. Клейманов М. С. Проблема криминализации сталкинга в Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 5. С. 133–135.
21. Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. Об ответственности за сталкинг в Российской Федерации и в зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 4(24). С. 49–55.

References

1. Stepashin, V. M. 2011, 'Appointment of punishment in the form of deprivation of a special, military or honorary title, class rank and state awards', *Bulletin of Omsk University, Series Law*, iss. 2 (27), pp. 168–172.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

2. Ignatov, A. N. 2015, 'Socio-demographic and criminal-legal characteristics of the personality of a modern violent criminal', *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, iss. 4(39), pp. 93–98.
3. Karpov, A. A., Ryabykh, S. B. & Shcherbakov, A. V. 2024, 'Criminological characteristics of the personality of a criminal who escaped from supervision', *Penal system: law, economics, management*, iss. 3, pp. 6–10.
4. Shchedrin, N. 2008, 'Four "tracks" of Russian criminal law', *Criminal law*, iss. 4, pp. 59–63.
5. Teplyashin, P. V. 2011, 'New law on criminal punishment in the form of restriction of freedom', *Legality*, iss. 3(917), pp. 38–40.
6. Kozhevnikova, D. P. 2024, 'Restriction of the rights and freedoms of persons sentenced to imprisonment as an element of their legal status', *Constitutionalism and state studies*, iss. 1(33), pp. 51–55.
7. Miroshnichenko, D. G. 2024, 'Restriction of freedom: some ways to improve the efficiency of the execution mechanism', *Bulletin of science*, vol. 3, iss. 1(70), pp. 311–322.
8. Medvedev, A. A. 2024, 'On the issue of the need for additional regulatory control over the execution of punishment in the form of restriction of freedom', *Bulletin of the penal system*, iss. 3(262), pp. 32–36.
9. Dyadkin, D. S. 2010, 'Competition of the norms on the appointment of punishment in the form of restriction of freedom with the norms on conditional sentencing', *Criminal law*, iss. 3, pp. 34–37.
10. Razogreeva, A. M. & Minkov, M. 2010, 'Conditional sentence and restriction of freedom: control and (or) resocialization', *Criminal law*, iss. 4, pp. 47–51.
11. Kostenko, A. I. 2021, 'Issues of Separating Restriction of Liberty as a Type of Criminal Punishment from Probation', *Scientific Education*, iss. 1(10), pp. 142–143.
12. Usov, K. V. 2020, 'Correlation of Restriction of Liberty with Probation', in *Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute: collection of scientific articles*, iss. 4, pp. 67–71, Kuzbass Institute of the FPS of the Russia, Novokuznetsk.
13. Kaishev, A. V. & Stepashin, V. M. 2021, 'Universality of Probation', *Bulletin of Omsk University, Series Law*, vol. 18, iss. 2, pp. 88–98.
14. Antonov, A. G. 2023, 'On the Issue of the Repressiveness of Punishment in the Form of Restriction of Freedom', *Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the FPS of Russia*, iss. 3(17), pp. 7–12.
15. Noy, I. S. 1973, *The Essence and Functions of Criminal Punishment in the Soviet State: A Political and Legal Study*, Saratov.
16. Bavsun, M. V. 2010, 'The Concept and Content of Criminal-Legal Impact on Crime', *Bulletin of Tomsk State University*, iss. 336, pp. 99–102.
17. Tunina, N. A. 2010, 'A Protection Order as a Method of Preventing Domestic Violence', *All-Russian Criminological Journal*, iss. 4, pp. 78–82.
18. Gilinsky, I. Ya. 2002, 'The Institute of Family in the System of "Deviance – Social Control"', *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, iss. 1(2), pp. 34–41.
19. Zebnitskaya, A. K. 2020, 'Stalking: Prospects for Regulation in the Legal Field of the Russian Federation', *Advocate Practice*, iss. 3, pp. 50–54.
20. Kleymanov, M. S. 2021, 'The Problem of Criminalization of Stalking in the Russian Federation', *Law and Right*, iss. 5, pp. 133–135.
21. Ryzhova, O. A., Kornishina, Yu. S. 2018, 'On Responsibility for Stalking in the Russian Federation and in Foreign Countries', *Science, Society, State*, vol. 6, iss. 4(24), pp. 49–55.

Информация об авторе

К. Н. Карпов – кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела.

Information about the author

K. N. Karpov – PhD (Law), Associate Professor, doctoral student of the research department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 18.08.2025; accepted for publication 02.09.2025.